

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО В СРЕДНИЕ ВЕКА

УДК 77.03/08 + 930.85 + 94(4) + 394.1

М. А. Поляковская

САКРАЛИЗАЦИЯ ПАРАДНОЙ ЖИЗНИ ВИЗАНТИЙСКОГО ИМПЕРАТОРСКОГО ДВОРЦА ЭПОХИ ПАЛЕОЛОГОВ*

Сравниваются византийские церемониальные книги X и XIV вв. в аспекте освещения ими дворцовой части ритуалов религиозных праздников. Анализируется значительное усиление сакрализации «императорской идеи» и парадной жизни дворца в условиях кризиса Византийской империи.

Ключевые слова: Византия, церемониал, эволюция ритуалов, сакрализация.

Идея сакральности дворца правителя Ромейской империи восходит к дохристианским временам, будучи сориентированной на позднеримскую идею цезаризма. Титул *pontifex maximus*, рожденный еще в языческом контексте общества, трансформировался с принятием христианства, условно уступив место определению правителя Византийской империи как ἐπίσκοπος κοινός [см.: Dagron, 141–146; Matschke, 148]. Концепт власти императора «от Бога» (ἐκ Θεοῦ), определение василевса как «подражания Богу» (μίμησις Θεοῦ) и «возлюбленного Богом» (θεοφιλής) составили основу византийской политической идеологии [см.: Treitinger, 38–43; Hunger, 1964, 49–83; Hunger, 1965, 61–108].

На дворец василевса, возведенного к власти как помазанника Бога («Свят, свят, свят!»), распространялась аура того священства, которой обладал правитель. Византийцы называли дворец *sacrum palatium*, θεῖον παλάτιον, ἱερὸν παλάτιον, что отражено в трудах византинистов в определении «дворец как храм» (Palast als Tempel) [см.: Treitinger, 50–51].

---

* Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ № 09-01-00158а в рамках проекта «Поздневизантийский церемониал как форма трансляции идеи могущества империи в условиях ее кризиса».

В византиноведении не без оснований утвердилось мнение, что в эпоху Палеологов сакрализация проводимых в стенах императорского дворца церемоний и в целом дворцовой жизни в значительной степени усилилась. Высказанное предположение о возможном снижении этой сакральности с 30-х гг. XV в., т. е. за двадцать лет до гибели Византии под ударами турок [см.: Matschke, 163], по многим причинам (и прежде всего из-за нехватки источников для этого периода) пока остается версией. Автор этой статьи придерживается традиционной точки зрения о значительном повышении сакральности политической идеологии исходя, однако, не только из ритуала коронования василевса, как принято в большинстве исследований. В центре внимания в статье будет рассмотрен вопрос о проведении в императорском дворце ритуалов отдельных религиозных праздников.

Источником для изучения названного вопроса является церемониальная книга середины XIV в., прежде всего ее 4-я глава «О порядке праздников в честь Господа и обычаях при них» [см.: Pseudo-Kodinos, 189–241]. В качестве сравнения будут использоваться сведения относящейся к X в. «Книги церемоний» Константина VII Багрянородного [см.: Constantini Porphyrogeniti]. Тезис о сакрализации жизни императорского двора будет рассмотрен на материалах наиболее подробно описанных в обряднике XIV в. праздников Рождества Христова, Поклонения Кресту, Входа Господня в Иерусалим (Вайи) и Воздвижения Креста. Праздники будут рассмотрены в том порядке (календарном), который соблюден автором обрядника Псевдо-Кодином.

Как в обряднике X в., так и в церемониальной книге XIV в. первенствующее значение отведено приходящемуся на 25 декабря празднику Рождества Христова (ἡ ἑορτὴ τῆς γεννήσεως τοῦ Χριστοῦ) и его кануну (παράμονή). Этот праздник всегда находился в центре литургического цикла, и его ритуал считался неким эталоном праздничного стиля для других религиозных дней, хотя сюжеты «сценариев» были, разумеется, различными. Праздничная торжественность проявлялась, в частности, в соответствующих парадных одеяниях императора, его семьи, сановников и всех архонтов. Праздничные сборы во дворце назывались «днями облачений» [см.: Беляев, XXXVIII], что подчеркивало особую значимость внешнего вида участника дворцовых собраний. Костюм служил неким социальным кодом, определяющим место каждого в придворной иерархии [см.: Piltz, 73; Ball, 2–5]. Сияние золотых одежд и их декора создавало особую тональность религиозных празднеств: золото как «символ пронизанного божественными энергиями», имеет особую значимость для христианской традиции [Аверинцев, 48].

В X в. праздник Рождества Христова был представлен большим праздничным выходом из императорского дворца в главный столичный храм Св. Софии, где всегда проходила праздничная литургия. Стержнем сценария дворцовой части празднества было рождественское шествие императора, сопровождаемого высокими сановниками, свитой, знаменосцами и придворной гвардией, по залам Большого императорского дворца. В каждом зале императора встречали под звуки исполняемой псалтами полихронии представители какой-либо из дворцовых «партий» (димов). Стены парадных помещений были украшены

фресками и мозаичными картинами с изображением императорских триумфов, что придавало рождественскому шествию победный дух, возрождая воспоминания о римском императорском входе в столицу (*reditus imperatoris*) после одержанной победы [см.: Hunger, 1990]. Исполняемые во время шествия рождественские гимны соединяли в сознании свидетелей празднеств римские и христианские истоки власти императора. Финалом дворцовой части праздника был выход из Большого императорского дворца на площадь Августеон, где конная статуя Юстиниана I, держащего украшенную крестом державу, вновь напоминала о пересечении римских и христианских истоков в восприятии императора как победителя [см.: Грабар, 53].

Рассмотрев основной графарет дворцовой части рождественского сценария X в., обратимся к соответствующему сюжету обрядника XIV в. В эпоху Палеологов резиденцией василевсов был уже не Большой императорский дворец, состоявший из многих дворцовых помещений, соединенных между собой галереями и открытыми выходами в парк, а более скромный дворец во Влахернах на окраине столицы [см.: Поляковская, 2008б, 112–125]. Пространство этого дворца не позволяло собирать столь масштабные приемы, как во времена Константина VII Багрянородного. Здесь не было множества парадных залов, атриумов и террас. Автор церемониальной книги XIV в. называет лишь один зал для приемов – Триклиний.

Псевдо-Кодин подробно описывает церемонию празднования Рождества Христова в стенах дворца и на площади перед дворцом (Pseudo-Kodinos, 189.1–220.7). Императорский прием во дворце проходил в канун Рождества [Ibid., 189.14–194.10]. В утренние часы в центральной части Триклиния устанавливали иконостас (*εἰκονοστάσιον*) с иконой Рождества Христова и другими иконами. Вокруг аналая, на котором лежало евангелие, вставали священники в соответствующих празднику одеяниях. Напротив императорского трона стояли чтецы-анагносты и певчие-псалты. Преобладание пурпура в колорите их одежд соответствовало особой значимости праздника Рождества Христова. У находившихся в Триклинии, по всей вероятности, должно было создаваться ощущение некоего единства с изображенными на установленной в иконостасе иконе участниками евангельского сюжета Рождества Христова. Сербский исследователь В. И. Джурич, изучая рождественские песнопения-стихиры эпохи Палеологов и их отражение в живописи, справедливо заметил, что «византийский дворцовый церемониал празднования Рождества сыграл значительную роль в сложении иконографии рождественской стихиры» [см.: Джурич, 259; Grabar, 261, п. 1].

После всех приготовлений в зале наступал торжественный момент ожидания рождественского приема. У входа в Триклиний императора встречали протовестиарий и великий этериарх. С появлением василевса великий domestik выносил его жезл-диканикий (он относился к самым важным инсигниям императорской власти). Под звуки полихронии, исполняемой певчими, василевс подходил к иконам, целовал их, а затем направлялся к трону и вставал около него. Великий domestik занимал место слева от трона, лампадарий зажигал укрепленную в дивупуле большую свечу, украшенную киноварью и золотыми листьями. Великий примикирий передавал императору его диканикий: это служило

сигналом начала входа в Триклиний архонтов всех рангов. Начинался парастасис (ἡ παράστασις) – утренний рождественский прием.

С момента входа архонтов в Триклиний псалты начинали петь Часы (οἱ ὥραι) – первый, тритекти (третий и шестой) и девятый – с тропарями. После девятого Часа протопсалт произносил тропарь, затем «Δόξα» («Слава тебе, Боже») и пел далее «καὶ νῦν καὶ αἰεὶ» («Ныне и во веки веков»). Канонарх читал текст тропаря, славил императора с пожеланиями многолетия; затем снова пелся тропарь после «Ныне и во веки веков». Архидиакон произносил псалмы Часов, протапостоларий читал из Книг пророков и апостолов, протопапа первым из священников читал текст из Евангелия, ему следовали другие. После чтения Часов император подходил к иконостасу и, приложившись к святым иконам, покидал Триклиний. Это означало конец императорского приема, после которого начиналась вечерняя литургия в храме Влахернской Божьей Матери.

По завершении литургии следовал момент рождественской церемонии, который можно назвать доминантой праздника, – ритуал «явления» императора на специально для этого акта построенной сцене (πρόκυψις) [см.: Андреева; Treitinger, 112–119; Поляковская, 2008а, 477–479]. Декорированный тканями прокипсис возводился на территории между дворцом и храмом. Ритуал «явления» императора народу представлял собой акт теофании, обожествления императора. Церемония прокипсиса состояла из трех этапов, каждый из которых был лишь кратким моментом между открытием и закрытием занавеса. Андре Грабар назвал этот ритуал *tableau vivant* («живой картиной») [см.: Grabar, 1971, 201]. Первым этапом было восхождение императора при полной тишине на прокипсис по скрытым тканью ступеням, что вызывало у зрителей ощущение его парения в воздухе и «отдаления», что придавало акту оттенок некоей тайны.

Второй акт церемонии наступал после облачения императора в торжественные одежды в закрытом помещении шатра. Раздвинувшиеся занавесы открывали на короткий миг василевса со скипетром, увенчанным крестом, и акакией – мешочком с землей как символом брэнности – в окружении высоких сановников – деспотов, являвшихся сыновьями и братьями правителя. После падения занавеса площадь замирала в ожидании главного акта церемонии.

На последнем этапе император являлся перед участниками и зрителями церемониального «спектакля» один, без сановников и родственников, на фоне ярко высвеченных и как бы висящих в воздухе императорского меча и горящей свечи. В этом коротком «кадре» василевс представал как защитник, победитель и поборник христианства. Звучала музыка, псалты пели многолетие. Звучало пение рождественского гимна «Христос родился, венчающий тебя, василевс» (ὁ Χριστὸς ἐγενήθη ὁ στέψας σε βασιλέα). Этот момент был апофеозом рождественской церемонии, носившим явные черты теофании.

Итак, две византийские церемониальные книги, разделенные во времени событиями и последствиями IV Крестового похода, дают определенный материал для сравнений. При сохранении общего контекста праздника Рождества Христова, ориентированного на евангельский сюжет в сочетании с лежащей

в основе византийской политической идеологии императорской идеей, можно видеть существенные изменения в ритуале. Несомненно, что идея обожествления императорской власти достигла при Палеологах своего наивысшего уровня. Если по «Книге церемоний» актами теофании были краткие моменты в ходе движения по залам Большого императорского дворца (остановка императора под звуки эвфимии и полихронии в проеме арки очередного помещения дворца), то в XIV в. с этой целью проводился специальный ритуал, получивший название *прокипсиса*. Не случайно Ж. Верпо назвал ритуал *прокипсиса* остатком «солнечной церемонии» и «ритуала поклонения» [см.: Pseudo-Kodinos, 171, п. 1]. Римская идея значимости образа императора как победителя на поле битвы в значительной степени уступила в XIV в. место образу императора как победителя в сфере веры. Кроме того, в поздневизантийскую эпоху ритуал приобрел явные черты статики по сравнению с динамическим рисунком праздника, отраженного в «Книге церемоний» (в значительной степени это было определено сменой императорской резиденции). Что же касается приема в Триклинии Влахернского дворца, то он отчетливо свидетельствует о значительной сакрализации парадной жизни в императорской резиденции. В палеологовскую эпоху дворец в значительной степени взял на себя функции храма.

Рассматривая процесс усиления сакрализации жизни императорского дворца в эпоху Палеологов, обратимся далее (через сравнение обрядников X и XIV вв.) к эволюции праздника Поклонения Кресту (*Κυριακὴ τῆς Σταυροπροσκυνήσεως*), проходившего в третье воскресенье Великого поста. По церемониальной книге эпохи Константина Багрянородного [см.: Constantini Porphyrogeniti, 162–170], в X в. в Большом императорском дворце не проводились какие-либо религиозные акты в связи с праздником Поклонения Кресту. Император, как и придворные чины, поклонялся Кресту на праздничной заутрене в храме Пресвятой Богородицы Фара. Утренний прием во дворце и трапеза соответствовали церемониям обычного воскресного дня.

По трактату Псевдо-Кодина [см.: Pseudo-Kodinos, 221–224], в воскресенье Поклонения Кресту в императорском дворце во Влахернах, в отличие от традиции X в., проводился торжественный прием «согласно обычаю праздников» (*κατὰ τὴν συνήθειαν τῶν... ἑορτῶν*). После того, как завершалась утренняя служба в храме Влахернской Божьей Матери, архидиакон в белом праздничном стихаре переносил Крест из церкви во дворец. Сопровождавшие его псалты пели тропарь «Спаси, Господи, народ Твой и благослови наследие Свое» (*σῶσον κύριε τὸν λαόν σου καὶ εὐλόγησον τὴν κληρονομίαν σου*). Поскольку каждый праздничный тропарь «в сжатом виде изображает самую суть празднуемого события» [см.: Толковый Типикон, 630], исполнявшийся в Триклинии тропарь, по мнению М. Скабаллановича, был молитвой, возносимой «об усвоении нами того спасения, которое уже совершено Христом на кресте, и о даровании соединенного с этим спасением благословения Божия» [см.: Скабалланович, 54]. Кроме того, в тропаре, звучавшем в стенах императорского дворца в день Поклонения Кресту, была отражена идея благословения Господом императора как защитника империи против внешних врагов: «Даруй победы василевсам против

варваров и охраня крестом твое владение» (νίκας τοῖς βασιλεῦσι κατὰ βαρβάρων δωροῦμενος καὶ τὸ σὸν φυλάττων διὰ τοῦ σταυροῦ σου πολίτευμα). Во время исполнения тропаря участники дворцового приема (парастасиса) уже стояли в Триклинии в соответствии со своим рангом.

После исполнения тропаря василевс направлялся к входной двери, чтобы встретить Крест, лежащий на аналое (ἐπὶ τοῦ ἀναλογίου τεθέντος). Момент, когда император прикладывался к Кресту и склонялся перед ним с глубокой проскинизой, был одним из самых напряженных по драматургии моментов праздника. После проскинизы василевс возвращался к своему трону и стоял около него до конца церемонии, пока не наступала новая доминанта ритуала; император снова приближался к Кресту и коленопреклоненно целовал его (προσκυνεῖ αὐθις καὶ ἀσπάζεται τὸν σταυρόν). Василевсу тотчас помогали встать с колен, и он сопровождал Крест вплоть до двери Триклинии. Это было завершением церемониала праздника.

Сравнивая сценарии той части ритуала Поклонения Кресту, которая проходила на территории дворца, можно убедиться, что по сравнению со временем «Книги церемоний» в XIV в. наиболее значительная часть ритуала происходила в парадном зале императорского дворца при полном праздничном сборе всех архонтов.

Праздник Входа Господня в Иерусалим (ἡ ἑορτὴ τῶν Βαΐων), приходящийся на воскресенье перед началом Страстной недели, в X в., как видно из «Книги церемоний», не имел установившегося дворцового церемониала. Накануне праздника, в Лазареву субботу, перед вечерней службой в храме Св. Димитрия в Фаре придворным раздавали ветки с укрепленными на них листьями финиковой пальмы и других растений [см.: Рахманов, 162]. Начало цветonoсной недели ассоциировалось с пальмовыми ветвями, которыми жители Иерусалима, согласно источникам, встречали Иисуса Христа. В силу этого праздник Входа Господня в Иерусалим византийцы называли Вайя (греч. τὸ βάϊον – пальма, пальмовая ветвь). Исследователь византийского церемониала О. Трайтингер отметил, что во дворце «в Пальмовое воскресенье не было никаких особых церемоний» [см.: Treitinger, 227, Anm. 77]. Возглавляемую патриархом литию духовенства из дворца в церковь Богородицы в Дафне вряд ли можно отнести к дворцовому ритуалу праздника Вайи [см.: Рахманов, 163–164].

В XIV в., как описывает Псевдо-Кодин [Pseudo-Kodinos, 224.5–226.21], дворцовая часть праздника Вайи была представлена церемонией галереи (ὁ περίπατος). Галерея, идущая от императорских покоев через дворец к Влахернскому храму [см.: Treitinger, 126], подготавливалась к церемонии заблаговременно – с середины недели (διὰ μέσης τῆς ἑβδομάδος), а в ночь Лазаревой субботы присыпали пол галереи и украшали колонны ветвями мирта, лавра и оливкового дерева. К рассвету праздничного воскресенья, когда из церкви раздавались звуки начавшейся утренней службы, император выходил из своей комнаты в торжественном одеянии, непременно для высоких празднеств, – в саккосе и императорской стемме на голове, держа в правой руке скипетр, увенчанный крестом, в левой – акакию и большую свечу (ἡ λαμπάς). Начиналась церемония галереи под звуки исполняемого тропаря (τὸ ἰδιόμελον) «Выйдите, народы, выйдите,

люди, и любуйтесь сегодня царем небес» (Ἐξέλθετε ἔθνη, ἐξέλθετε καὶ λαοί, θεάσασθε σήμερον τὸν βασιλέα τῶν οὐρανῶν). Шествие открывал несущий большую свечу лампадарий, впереди процессии, символизируя образ Христа, – Евангелие. За свечой и образом Господа первым шел император. В шествии галереи принимали участие высшие сановники (деспоты), прежде всего сыновья императора. За ними следовало высшее духовенство: патриарх или патриархи, архидиакон с Евангелием и пять священников с иконами. Шествие следовало до церкви, где к этому времени заканчивалась утренняя служба. Император, предшествуемый лампадарием, возвращался назад. Сорванная императорским слугой ветвь (ὁ κλάδος) являлась знаком желания императора, чтобы галерея была к этому времени пуста.

Несомненно, сохраненная обрядником XIV в. церемония галереи, бывшая напоминанием о Входе Господнем в Иерусалим, служила презентации василевса как подобия Бога, его земного представителя и наследника, помазанного на царство самим Богом.

Праздник Воздвижения Креста (ἡ ἑορτὴ τῆς Ὑψώσεως τοῦ σταυροῦ), по «Книге церемоний», проходил в главном храме Константинополя – Св. Софии. Выход императора в храм относился, в отличие от больших и средних, к малым выходам [см.: Беляев, 36–38]. Император, сопровождаемый только самым близким окружением, направлялся в храм не через парадные помещения дворца, как бывает при больших выходах, а через переходы. В пределах дворца одеждой василевса был обычный скарамангий, и лишь по входе в храм он переодевался в специальном помещении в парадное одеяние [см.: Там же]. В обряднике X в. описан проходивший в храме ритуал поклонения василевса Честному Древу (τὰ τίμια ξύλα) [Constantini Porphyrogeniti, 29–30, 161–162] и Воздвижения Креста патриархом.

История праздника представлена большим количеством исследований [см.: Скабалланович; Желтов, Лукашевич; и др.]. Сюжет праздничного ритуала с поднятием Креста патриархом отражен в двух миниатюрах афонской книги образцов [см.: Евсева, 229, № 69, 234, № 75]. Иконография праздника подробно рассмотрена в исследовании И. А. Шалиной [2005, 133–218]. По замечанию В. Д. Лихачевой, иконография праздника «сложилась в византийском искусстве под влиянием описания этого праздника в «Книге церемоний» Константина Багрянородного» [см.: Лихачева, 139].

Итак, в соответствии с «Книгой церемоний» X в. местом проведения праздника Воздвижения Креста был храм Св. Софии, а не императорский дворец.

В XIV в., согласно сочинению Псевдо-Кодина (Pseudo-Kodinos, 239.26–239.9), в день праздника Воздвижения Креста в зале приемов Влахернского дворца возводилась анавафра, представлявшая собой обитое алым шелком деревянное возвышение (см.: Поляковская, 2007, 254–263). Уже это свидетельствовало о значимости дня 14 сентября, так как анавафра возводилась в приемном зале дворца лишь по случаю самых больших праздничных ритуалов. Псевдо-Кодин только дважды упоминает о возведении анавафры в Триклинии: 1) в связи с выдвиганием кандидатуры нового патриарха и 2) по случаю рассматриваемого нами праздника Воздвижения Креста (Pseudo-Kodinos, 239.26–240.4; 270–280).

Автор обрядника XIV в. не описывает детально, в отличие от ранее рассмотренных нами праздников, дворцовый ритуал Дня Крестовоздвижения. Но уже сам факт строительства в приемном зале дворца анавафры свидетельствует об особой торжественности, сопровождавшей этот праздник. Патриарх, поднявшись на анавафру, чтобы быть видимым всем собравшимся в Триклинии, совершал ритуал возвышения Креста (τὴν τοῦ σταυροῦ ποιεῖ ὑψώσιν) на четырех углах анавафры, как это происходило и в церковном ритуале. Без сомнения, празднование сопровождалось песнопениями, первое место среди которых занимал уже называвшийся тропарь «Спаси, Господи, народ Твой». (Вероятнее всего, некоторая лаконичность автора обрядника в описании этого праздника объясняется тем, что он был соединен с освящением дворца – агиасмом, но это уже материал другого исследования.) Без сомнения, введение процедуры освящения императорского дворца в контекст праздника Воздвижения Креста Господня придавало празднику особую значимость.

Подведем итоги сравнения разделенных во времени четырьмя с лишним столетиями дворцовых ритуалов пяти религиозных праздников: Рождества Христова, Поклонения Кресту, Входа Господня в Иерусалим и Воздвижения Креста.

В X в. только рождественский праздник имел четкий сценарий в рамках дворцового церемониального пространства. Шествие императора с окружением через залы Большого императорского дворца по пути в храм Св. Софии, без сомнения, имело целью трансляцию императорской идеи, но на значительном фоне римских традиций. Само шествие напоминало победный *reditus imperatoris* римского времени. Остальные из названных праздников не имели специального дворцового сценария, что в целом не дает оснований в полной мере применить к императорскому дворцу формулу «дворец как храм».

В XIV в. в дворцовый праздничный ритуал включались либо чтение Часов (на Рождество Христово), либо установление в зале приемов иконостаса и проведение соответствующих дню песнопений (праздник Поклонения Кресту), либо представление Креста на анавафре, установленной в дворцовом Триклинии (Воздвижение Креста). Самыми эффектными из дворцовых праздничных сценариев были рождественская церемония прокипсиса и проводившаяся в праздник Вайи церемония галереи. Обе из названных церемоний были наивысшим проявлением теофании – идеи обожествления императора.

Византийская империя эпохи Палеологов переживала глубокий внутри- и внешнеполитический кризис на фоне явного ухудшения экономической ситуации в стране. Проведение через церемониал идеи священства императора и императорского дворца было, с одной стороны, отражением неадекватного восприятия представителями власти ситуации в стране, а с другой – надеждой упрочить составлявшую основу византийской политической идеологии мысль о величии и непобедимости Ромейской империи.

Аверинцев С. С. Золото в системе символов ранневизантийской культуры // Византия, южные славяне и Древняя Русь, Западная Европа. Искусство и культура : сб. ст. в честь В. Н. Лазарева. М., 1973.

- Андреева М. А.* О церемонии «прокиписис» // *Seminarium Kondakovianum*. Praha, 1927. Vol. 1. P. 158–173.
- Беляев Д. Ф.* *Byzantina II*. Ежедневные и воскресные приемы византийских царей и праздничные выходы их в храм Св. Софии в IX–X в. СПб., 1893.
- Грбар А.* Император в византийском искусстве. М., 2000.
- Джурич В. И.* Портреты в изображениях рождественских стихир // Византия, южные славяне и Древняя Русь, Западная Европа. Искусство и культура : сб. ст. в честь В. Н. Лазарева. М., 1973. С. 244–255.
- Евсеева Л. М.* Афонская книга образцов XV в. : о методах работы и моделях средневекового художника. М., 1998.
- Желтов М., Лукашевич А. А.* Воздвижение Честного и Животворящего Креста Господня // *Православная энциклопедия*. М., 2005. С. 160–170.
- Лихачева В. Д.* Отношение к образцам грузинских миниатюристов XIV столетия (на примере рукописи ГПБ) // *Византийский временник*. 1977. Т. 38. С. 136–140.
- Поляковская М. А.* К словарю поздневизантийского церемониала: анавафра // *Вспомогательные исторические дисциплины*. Т. 30. СПб., 2007.
- Поляковская М. А.* Византийская империя XIV в.: «театр власти» // *Россия и мир: панорама исторического развития : сб. науч. ст., посвящ. 70-летию ист. фак-та Урал. гос. ун-та им. А. М. Горького*. Екатеринбург, 2008а. С. 468–483.
- Поляковская М. А.* Влахерны – резиденция василевсов при Палеологах // *ΣΤΡΑΤΗΓΟΣ : сб. ст. в честь В. В. Кучмы*. Армавир, 2008б. С. 112–125.
- Рахманов Иоанн, прот.* Обрядник византийского двора (*De ceremoniis aulae Byzantinae*) как церковно-археологический источник. М., 1895.
- Скабалланович М.* Воздвижение Честного Креста. Христианские праздники. Репринт. изд. 1915 г. М., 1995.
- Толковый Типикон / сост., предисл. и примеч. М. Скабаллановича*. М., 2008.
- Шалина И. А.* Иконография Воздвижения креста в византийской и древнерусской живописи // *Шалина И. А. Реликвии в восточнохристианской иконографии*. М., 2005. С. 133–218.
- Ball J. L.* *Byzantine Dress: Representations of secular Dress in Eighth-to-Twelfth-Century Painting*, 2005.
- Constantini Porphyrogeniti imperatoris De ceremoniis aulae Byzantinae / E rec. J. J. Reiskii*. Bonnæ, 1829–1830. Vol. 1–2.
- Dagron G.* Empereur et prêtre. Etude sur le «cesaropapisme» byzantin. P., 1996.
- Grabar A.* L'empereur dans l'art byzantin. Recherches sur l'art officiel de l'Empire de l'Orient. P., 1936.
- Grabar A.* Pseudo-Codinos et les cérémonies de la cour byzantine au XIVe siècle // *Art et société a Byzance sous les Paléologues. Actes du colloque organisé par l'association internationale des études byzantines a Venise en septembre 1968*. Venise, 1971.
- Hunger H.* Prooimion. Elemente der byzantinischen Kaiseridee in den Arengen der Urkunden. Wien, 1964 (*Wiener byzantinische Studien*, Bd. 1).
- Hunger H.* Reich der neuen Mitte. Der christliche Geist der byzantinischen Kultur. Graz ; Wien ; Köln, 1965.
- Hunger H.* Reditus imperatoris // *Fest und Alltag in Byzanz / hrsg. von G. Prinzig und D. Simon*. München, 1990.
- Matschke K-P.* Sakralität und Priestertum des byzantinischen Kaisers // *Die Sakralität von Herrschaft. Herrschaftslegitimierung im Wechsel der Zeiten und Räume. Fünfzehn interdisziplinäre Beiträge zu einem weltweiten und epochenübergreifenden Phänomen / hrsg. von F.-R. Erkens*. Berlin, 2002.
- Piltz E.* Le costume officiel des dignitaires byzantins à l' époque Paléologue. Uppsala, 1994. (*Acta Universitatis Upsaliensis Figura Nova Series 26*).
- Pseudo-Kodinos.* *Traité offices / introd., texte et trad. par J. Verpeaux*. P., 1976.
- Treitinger O.* Die oströmische Kaiser- und Reichsidee nach ihrer Gestaltung im höfischen Zeremoniell vom oströmischen Staats- und Reichsgedanken. Zweite unveränderte Auflage. Darmstadt, 1956.

Статья поступила в редакцию 26.06.2009 г.